

**БИШУНГАРОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ И ЕГО ОКРУГА:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 1960–90-Х ГГ. И НОВЫЕ ДАННЫЕ****Сергей Юрьевич Николаев**

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

Аннотация. Один из двух крупнейших курганных могильников номадов раннего железного века Южного Приуралья – Бишунгаровские курганы – был опубликован автором раскопок А.Х. Пшенично-ком в совокупности с другими погребальными комплексами ранних кочевников региона. Учитывая его значимость, возникла необходимость выделить сводные данные непосредственно по самому некрополю. В статье дается анализ погребального обряда и инвентаря, найденного при раскопках могильника. Приводятся основные аналогии. Автором в 2021 г. было проведено визуальное обследование как самого Бишунгаровского курганного могильника, так и прилегающей к нему территории, результаты которого также приводятся в статье. Приводятся данные по вновь выявленным курганным насыпям в составе могильника, а также вносятся поправки в нумерацию как раскопанных, так и сохранившихся курганов. Дается описание прилегающей к могильнику территории, в том числе публикуются находки сарматской керамики. Делаются выводы о том, что состав и планиграфия Бишунгаровского курганного могильника, зафиксированные А.Х. Пшеничноком во второй половине XX в., являются очень предварительными. Обследование прилегающей к могильнику территории показало, что ее плотного хозяйственного освоения в эпоху раннего железа не происходило. Многочисленные «случайные» находки сарматского клинкового оружия, а также находка раннепрохоровской керамики на, вблизи, расположенной стоянке Савалеево-2 свидетельствуют о том, что кочевники раннего железного века начали освоение этой территории задолго до появления Бишунгаровских и Старо-Кишкинских курганов, еще в IV веке до н.э.

Ключевые слова: Бишунгаровский курганный могильник, раннесарматская культура, Южное Приуралье, ранний железный век, погребальный обряд, раннесарматская керамика

Цитирование. Николаев С.Ю., 2023. Бишунгаровский курганный могильник в Южном Приуралье и его округа: результаты исследований 1960–90-х гг. и новые данные // Уфимский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 51–62. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.005>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00

UDC 902.21 : 903.5 (470.57)
LBC 63.443

Submitted: 18.03.2023

Accepted: 30.05.2023

**BISHUNGAROVO BURIAL MOUND IN SOUTHERN FOREURALS AND SURROUNDINGS:
FINDINGS OF 1960s–1990s. AND NEW DATA****Sergey Yu. Nikolaev**

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

Abstract. There are two largest kurgan burial mounds of Early Iron nomads in the Southern Pre-Urals. One of them is the Bishungarovo burial mound. It was described by the author of its excavations A.Kh. Pshenichnyuk. His study also covers other burial complexes of the local early nomads. The necropolis is found very significant. Therefore, it is important to form the consolidated data of the necropolis itself. The article meticulously analyses the burial ritual, the dimensions of the graves, their relative layout inside the kurgan and the number of people buried therein. The tools explored by the burial excavations are filed. They discovered and closely examined bladed weapon, arrow heads, ornaments, bronze mirrors, little bone spoons and ceramic vessels both sculptured and pottery. Based on the discovered complexes the finds can be divided into male and female graves. It is noteworthy that the tools are really widespread for the early Sauromatian culture. The study suggests basic equivalents. The research concludes that currently there is no reason to reconsider the dating of the monument suggested by A.Kh. Pshenichnyuk (3^d–2nd century BC). In 2021 the author themselves visually inspected both the Bishungarovo burial mound and the adjacent territories. The findings of the inspection are described in the article. The study refers to the data of the newly explored banks within the burial ground. The work also corrects the numeration of the excavated and intact kurgans. The article describes the territory adjacent to the mound; it reveals the finds of two fragments of the Sauromatian ceramics. One of the revealed fragments (found in Savaleevo-2, a Bronze Age monument) is dated back to 4th century BC. Currently, it is the northernmost nomad ceramics dated back to 4th century BC and discovered. It is concluded that the content and planigraphy of the Bishungarovo burial mound described by A.Kh. Pshenichnyuk in the second half of 20th century are rather preliminary. The research of the territory adjacent to the burial mound shows that no intense

economic activity was happening there in the Early Iron Age. The multiple ‘casual’ finds of the Sauromatian bladed weapon, a casual find of the Early Prokhorovka ceramics near Savaleevo-2 settlement prove that the Early Iron nomads started exploring this territory back in 4th century BC, long before the Bishungarovo kurgans and the Old Kiishkinsky burial ground appeared.

Keywords: Bishungarovo burial mound, Early Sarmatian culture, Southern Urals, Early Iron Age, funeral rite, Early Sarmatian ceramics

Citation. Nikolaev S.Yu., 2023. Bishungarovo Burial Mound in Southern Foreurals and Surroundings: Findings of 1960 s – 1990 s. and New Data. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 23, no. 1, pp. 51–62 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.005>

Acknowledgements. This research is conducted to fulfil the state order by UFRC RAS No. 075-01134-23-00

Введение

В 2 км к югу от д. Бишаул-Унгарово Кармакалинского района РБ находится один из крупнейших курганных могильников кочевников раннего железного века Южного Урала – Бишунгаровский (Бишаул-Унгарово-1). В настоящее время он, и расположенный в 18,5 км северо-западнее Старокиишкинский могильник являются самыми северными из крупных кочевнических некрополей Южного Приуралья и в значительной степени являются «визитной карточкой» развитой прохоровской культуры Южного Приуралья.

При этом, опубликованный в 1983 году [Пшеничнюк, 1983. С. 18–33. Табл. IX–XXIV], могильник описан автором в значительной степени тезисно, анализ же погребального обряда и материала дан в совокупности с другими погребальными комплексами ранних кочевников Южного Приуралья. Учитывая значимость Бишунгаровского курганного могильника для понимания процессов, происходивших в регионе во второй половине I тыс. до н.э., возникла необходимость выделить на основе авторской публикации сводные данные непосредственно по самому некрополю. Кроме того, проведенные автором в 2021 г работы по обследованию прилегающей к могильнику территории позволили получить дополнительные сведения по вопросам освоения этой территории кочевниками в эпоху раннего железа.

Общие данные по могильнику

Памятник был открыт в 1960 г. А.П. Шокуровым [Шокуров, 1960], который зафиксировал более 30 насыпей диаметром 15–30 м и высотой 0,60–1 м. Насыпи курганов были преднамеренно сnivelированы в 1961 г. в ходе проводившейся распахки, которая продолжается по настоящее время. Могильник тянется цепочкой по склону водораздельной возвышенности, вдоль ее гребня, по линии юго-запад – северо-восток. В 1966, 1968 и 1972 гг. раскопки проводились экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка. Им было выявлено только 23 насыпи, раскопано 7 курганов [Пшеничнюк, 1983]. В 1991 г экс-

педицией Национального музея РБ под руководством В.Н. Васильева были исследованы курганы №№ 22 и 23 [Васильев, Савельев, Федоров, 1995], а в 1992 г. А.Х. Пшеничнюком – курган, который был им пронумерован как №20.¹

Всего зафиксировано 23 кургана, из них 9 (10) раскопано. В курганах было вскрыто 54 погребения (65 – с учетом кургана 1992 г.) (рис. 1В; 1С). Под одной насыпью находилось от 3 до 11 погребений, расположенных вокруг одного-двух центральных кольцами (также одним или двумя). Почти все (53) могильные ямы прямоугольной формы, глубиной в среднем 1,5–2 м от уровня погребенной почвы, в 11 случаях – с неширокими (около 20 см) ступеньками-запечниками вдоль длинных стенок, на которых сохранились остатки деревянных перекрытий (рис. 2А, 2С). За исключением пяти погребений, все остальные заглублены в материковый грунт, что является характерным для прохоровской культуры [Пшеничнюк, 1983. С. 103]. Большинство погребений имеет южную (25) (как варианты – юго-восточную (11) или юго-западную (4)) ориентировку, остальные ориентированы головой на восток (6) или запад (3), либо из-за разграбления установить положение скелета невозможно (2). Отклонение от южной ориентировки погребений может быть объяснено стремлением расположить могильные ямы кольцом вокруг центрального погребения.

В одном случае – в кургане №23, самом крайнем с юго-запада во всей цепочке, находилась лишь одна могильная яма, расположенная в центре кургана, которая имела квадратную (2,7×2,7 м) форму и была сторонами ориентирована по сторонам света [Васильев, Савельев, Федоров, 1995. С. 66. Рис. 4, 1].

Погребения, как правило, индивидуальные, реже – парные (четыре захоронения, при этом в одном случае погребены взрослый и ребенок, в одном – два подростка), в двух погребениях в одной могильной яме захоронены по три человека, в одном из них – один взрослый и два ребенка. В девяти случаях встречены детские погребения

¹ К сожалению, нахождение всего отчета по данным раскопкам не известно, есть лишь несколько фотографий с места раскопок и информация о том, что в кургане было вскрыто 11 погребений. Никаких подробных сведений о них нет, в связи с чем в дальнейшем они учитываться не будут.

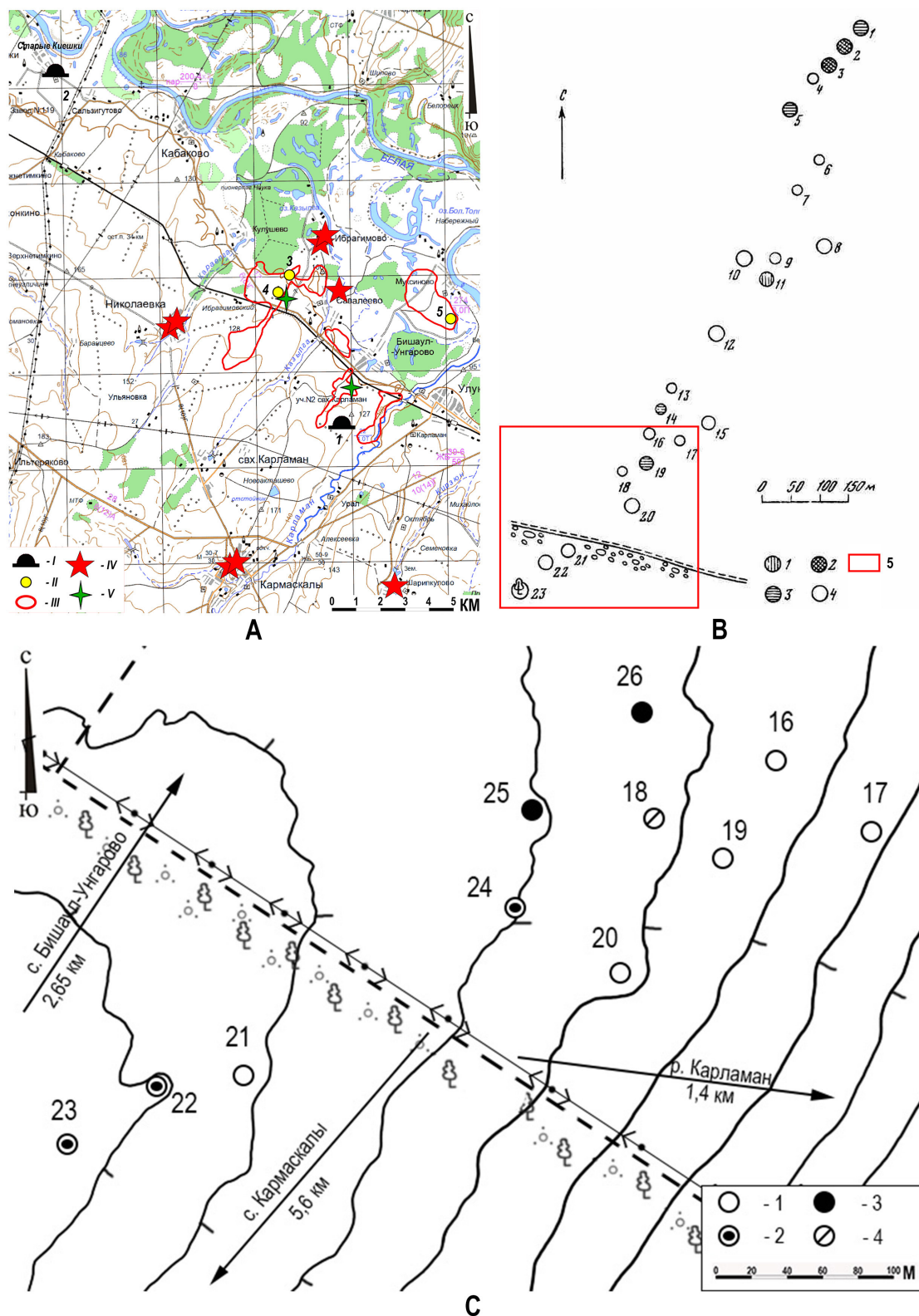

Рис. 1. А – Местоположение Бишунгаровского могильника и прилегающая к нему территория. I – курганный могильник, II – выявленные в 2021 г памятники, III – участки, обследованные в 2021 г, IV – случайные находки мечей и кинжалов, V – места находок фрагментов сарматской керамики в 2021 г; В – Бишунгаровский могильник. План А.Х. Пшеничникова 1983 г (по: [Пшеничнюк, 1983. С. 19. Рис. 5], обработка автора). 1 – раскопы 1966 г, 2 – раскопы 1968 г, 3 – раскопы 1971 г, 4 – нераскопанные курганы, 5 – участок, обследованный в 2021 г; С – Бишунгаровский могильник. План автора 2021 г. 1 – не исследованные курганы; 2 – курганы, исследованные в 1992 г; 3 – курганы, выявленные в 2021 г; 4 – курган, исследованный в 1971 г.

Fig. 1. А – Location of Bishungarovo Burial Mound and Adjacent Territories. I – Burial Mound, II – Sites Discovered in 2021, III – Areas Explored in 2021, IV – Casual Finds of Swords and Daggers, V – Places Where Sauromatain Ceramic Fragment were Found in 2021; В – Bishungarovo Burial Mound. Plan by A.Kh. Pshenichnyuk, 1983 (acc. to: [Pshenichnyuk, 1983. P. 19. Fig. 5], author's analysis). 1 – 1966 Excavations, 2 – 1968 Excavations, 3 – 1971 Excavations, 4 – Intact Kurgans, 5 – Area Explored in 2021; С – Bishungarovo Burial Mound. 2021 Author's Plan. 1 – Unexplored Kurgans; 2 – Kurgans Explored in 1992; 3 – Kurgans Discovered in 2021; 4 – Kurgan Explored in 1971

(выделяются как размером могильных ям – в среднем 110×50 см, так и размером костей; возраст не определялся), все они боковые. Центральными во всех раскопанных погребениях являются индивидуальные, при этом под двумя насыпями было 2 центральных параллельных друг другу погребения. В подавляющем большинстве случаев, когда костяк погребенного сохранился, он лежал на спине, руки и ноги вытянуты.

Погребальный инвентарь разнообразен и является широко распространенным для раннесарматской культуры (рис. 2В, 2Д).

В тридцати погребениях найдены кости животных,² большая часть которых (18 случаев) положены в области ног покойного, в девяти случаях кости животного лежали возле черепа или за ним, в двух погребениях они находились в центральной части могилы (но они могли быть сдвинуты при разграблении). В одном погребении кости животного находились и в области головы и возле ног. Описываемые кости животных в большинстве случаев – это кости передней ноги мелкого рогатого скота (барана) [Пшеничнюк, 1983. С. 20, 21, 27, 28, 32, 106], реже – ребро или лопатка [Пшеничнюк, 1983. С. 23, 27, 29].

В десяти могилах найдены кусочки мела, которые могли располагаться как возле черепа (4), так и в ногах (3) либо в области груди (3). В одном женском погребении (погребение 7 кургана № 2) возле левой голени найдена морская раковина [Пшеничнюк, 1983. С. 23. Табл. XII, 10].

Из всех 54 вскрытых погребений девять являются детскими. Инвентарь в них, как правило, либо единичен (кусочки мела, небольшой сосудик, бусы), либо отсутствует. В шестнадцати случаях инвентарь, включающий в себя, в первую очередь, предметы вооружения (наконечники стрел, мечи и кинжалы) позволяет говорить о том, что в них погребены мужчины.³ В одиннадцати могилах были погребены женщины (инвентарь включает в себя украшения – височные кольца, бусы, а также зеркала, пряслица и т.д.). Инвентарь в остальных восемнадцати погребениях либо отсутствует (в том числе по причине разграбления), либо не позволяет определить пол погребенного.

Обращают на себя внимание три захоронения. В погребении 6 кургана № 3 среди мужского инвентаря (железный меч и колчан из 37 бронзовых и 10 железных наконечников стрел) зафиксированы украшения из двух золотых височных колец (по одному справа и слева от черепа, видимо, они являлись частью погребальной одежды) и две коралловые веточки-бусины, находившиеся между коленными суставами [Пшеничнюк, 1983. С. 25.

Табл. XV, 8, 9]. В погребении 9 того же кургана № 3 наблюдается противоположная картина – в могиле с чисто женским инвентарем возле ступней ног рядом с глиняным сосудом найден один бронзовый наконечник стрелы [Пшеничнюк, 1983. С. 26. Табл. XVI, 1, 7].

В женском погребении 8 кургана № 11 среди прочего инвентаря найден костяной футляр с железными иглами [Пшеничнюк, 1983. С. 29. Табл. XX, 7].

Вооружение представлено четырьмя мечами и семью кинжалами (больше предметов вооружения найдено только в Старокиишских курганах) [Садыкова, 1962; Пшеничнюк, 1983. С. 107, 108]. Клинковое оружие располагалось в восьми погребениях, при этом в погребение 5 кургана № 2 были положены вместе длинный меч и кинжал [Пшеничнюк, 1983. С. 22. Табл. XI, 1, 7, 8], а в погребение 2 кургана № 19 – длинный меч и два кинжала [Пшеничнюк, 1983. С. 32. Табл. XXIII, 1, 14–16]. Еще один длинный меч найден в погребении 6 кургана № 3 [Пшеничнюк, 1983. С. 25. Табл. XV, 1, 14].

Все мечи и кинжалы по своим характеристикам соответствуют классическому типу прохоровского клинкового оружия (клинок вытянутой треугольной формы, ромбический в сечении с долами или без них, прямое брусковидное перекрестье, ромбическая или прямоугольная в сечении рукоять и серповидное навершие (кроме кинжала из кургана № 2 из погребения 1 – у него навершие кольцевидное [Пшеничнюк, 1983. Табл. X, 6]). Кольцевидное навершие не является уникальным для мечей и кинжалов прохоровского типа [Савельев, Николаев, 2019. Рис. 3, 5; Николаев, 2021а. Рис. 7, 1]. Наличие кинжала с кольцевидным навершием в сарматском захоронении III–II вв. до н.э. только подтверждает раннее время появления такого типа оружия [Хазанов, 1971. С. 9, 10; Николаев, 2021в].

Лишь в двух могилах оружие представлено только кинжалами. В остальных пяти вместе с ними найдены наконечники стрел.

Всего наконечники стрел обнаружены в 14 погребениях. Это либо бронзовые трехлопастные с выступающей или внутренней втулкой, имеющие вытянуто треугольную форму, либо железные черешковые с маленькой трехлопастной головкой. При этом только бронзовые наконечники найдены в 7 погребениях (от одного до четырех в одном). В двух случаях зафиксированы только железные наконечники: курган № 2 погребение 5 – восемь экземпляров вместе с длинным мечом и кинжалом (см. выше), погребение 8 того же кургана – десять

² Никакой информации по остеологическому определению найденных в погребениях костей животных нет. В своей работе А.Х. Пшеничнюк указывает на находки либо костей барана, либо просто костей животного [Пшеничнюк, 1983]. Представляется, что в связи с отсутствием четкого определения следует говорить о костях мелкого рогатого скота.

³ Антропологический анализ материалов Бишунгаровского могильника не производился. Вслед за А.Х. Пшеничнюком вывод о половой принадлежности погребенного делается на основании погребального инвентаря. При этом следует учитывать, что, например, предметы вооружения в отдельных случаях могли находиться и в женских погребениях, а украшения – в мужских.

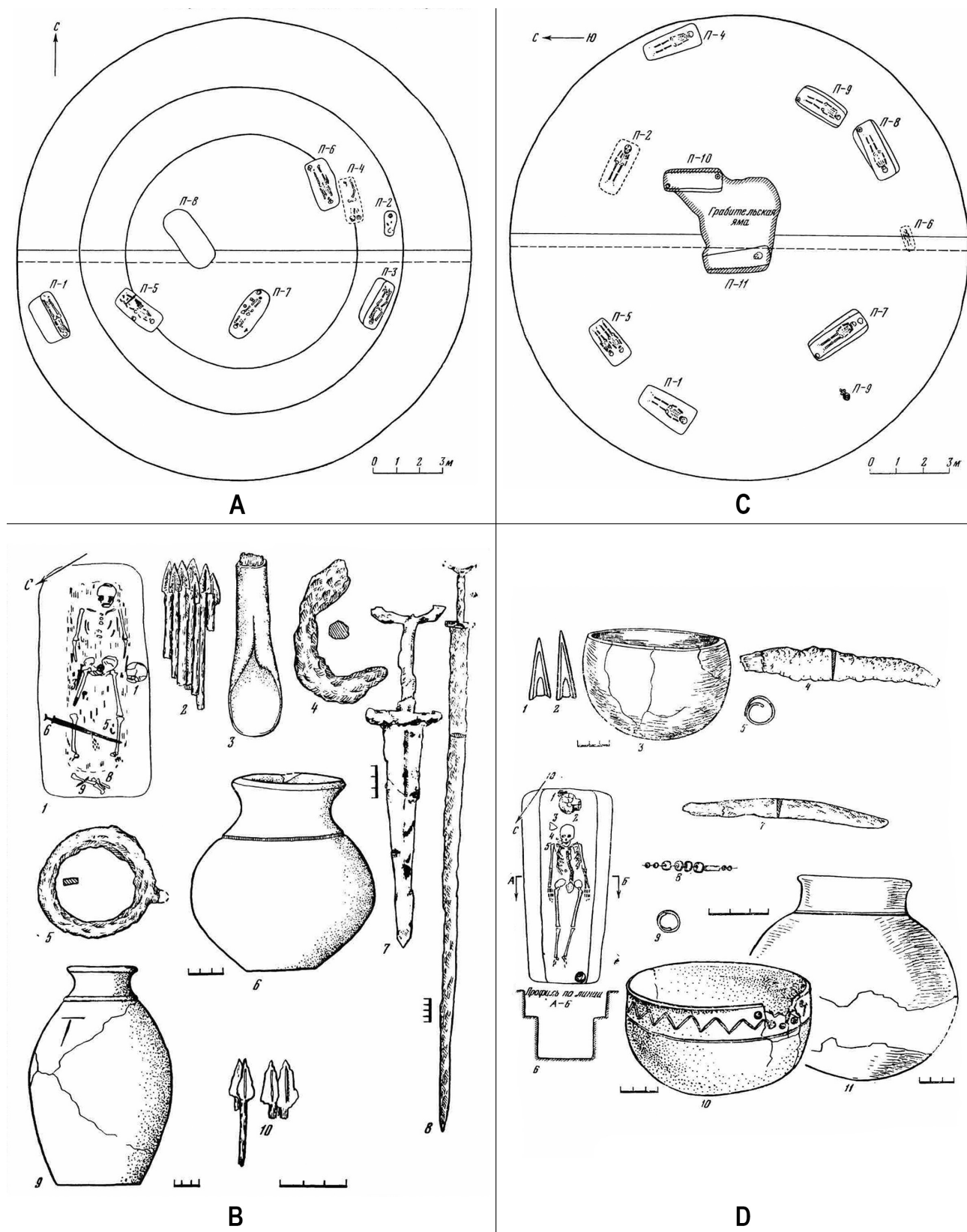

Рис. 2. Бишунгаровский курганный могильник (по: [Пшеничнюк, 1983, Рис. 6; 8. Табл. XI, XIX]). А – план кургана № 2; В – материал из погребений кургана № 2; С – план кургана № 11; D – материал из погребений кургана № 11

Fig. 2. Bishungarovo Burial Mound (acc. to: [Pshenichnyuk, 1983, Fig. 6; 8. Table 11, 19]). A – Plan of Kurgan No. 2; B – Materials from Graves of Kurgan No. 2; C – Plan of Kurgan No. 11; D – Materials from Graves of Kurgan No. 11

экземпляров. Колчаны из бронзовых и железных наконечников были положены в шесть погребений, при этом, соотношение их может быть как почти равным (5 бронзовых и 4 железных в погребении 2 кургана № 19, 1 бронзовый и 2 железных в погребении 11 кургана № 3, 6 бронзовых и 7 железных в погребении 11 кургана № 11), так и существенно отличаться в ту или иную сторону. Лишь в одном случае (погребение 6 кургана № 2) железных наконечников (7 шт.) почти в 2 раза больше бронзовых (3 шт.). В двух случаях бронзовых наконечников существенно больше чем железных (погребение 3 кургана № 3 – бронзовых 17 шт. (85 %), железных 3 шт. (15 %) и погребение 11 кургана № 11 – бронзовых 37 шт. (80 %), железных 10 шт. (20 %).

В тех случаях, когда погребение было не разграблено, можно установить, что колчаны находились слева от погребенного, в районе ног, наконечники около голеней, древки стрел – возле бедра. Лишь в одном случае три бронзовых наконечника были найдены между ног, возле ступней (погребение 8 кургана № 3), и в одном (погребение 2 кургана № 5) восемь железных также лежали между ног в районе голеней.

Как в мужских, так и женских погребениях в 24 случаях находились небольшие, длиной 8–12 см, железные ножи. Все они прямые, однолезвийные, треугольные в сечении. Лишь в одном случае (к. № 3 погр. 3) нож имеет серповидную форму [Пшеничнюк, 1983. С. 25. Табл. XIII, 10]. Чаще всего они расположены вместе с костями животных. В восьми погребениях, как мужских (4), так и женских (2), а также в двух разграбленных, пол умерших в которых определить нельзя, встречены пряжки. Семь из них железные, кольцевые с неподвижным язычком, тип 3 по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1990. С. 97. Рис. 22, 26, 27], диаметром 3–5 см, одна – погребение 2 кургана № 19 – бронзовая, во всем остальном аналогична железным. Расположены они на уровне пояса погребенных.

В двух погребениях могильника (погр. 2 и 5 кургана № 19) найдены по одному оселку. Они уплощенные в сечении, вытянутые (11×2,5 см и 9×5 см), прямые или немного расширяющиеся к одному из концов, со сквозным отверстием.

Для женских погребений характерны находки бус (мелкие гешировые (лигнитовые) бусы дисковидной или цилиндрической формы, разноцветный мелкий бисер, разноцветные мелкие рубленные бусы и стеклянные светлые с внутренней позолотой или серебрением, бусы из коралла вытянуто-овальной формы или в виде веточек, жемчуг). Чаще всего располагались в области шеи, значительно реже находились у запястий погребенного. В погребении 6 кургана № 3 бусы, положенные между коленями (а также височные кольца по обеим сторонам черепа) встречены с мужским инвентарем (меч, наконечники стрел). Остальные 7 височных колец (большинство – в виде просто-

го проволочного кольца (чаще всего бронзового) в полтора оборота) найдены в погребениях с женским инвентарем. Лишь одно височное кольцо из погребения 8 кургана № 11 имеет шумящие подвески в виде золотых полулуний с подвешенными на тонких цепочках полыми золотыми шариками [Пшеничнюк, 1983. С. 111. Табл. XX, 2]. Встречены среди женского инвентаря также два перстня, один из них (погребение 7 кургана № 2) изготовлен из золотой проволоки в виде спирали в 3,5 оборота, диаметр колец 1,5 см, второй (погребение 3 кургана № 1) – железный, с широким круглым плоским щитком.

Бронзовые зеркала представлены пятью экземплярами. Все они обнаружены в женских погребениях. Одно зеркало (курган № 11 погребение 9) сохранилось частично (рукоять отсутствует), может быть отнесено к типам 4 или 5 по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1990. С. 92–97. Рис. 33]. Остальные сохранились полностью, это типы 1.4, 4.5, 4.7 и 4.5 (в последнем случае прорисовка рукояти не дает возможности уточнить ее сечение) [Пшеничнюк, 1983. Табл. XXI, 6; XX, 3; XVIII, 7; XII, 5; IX, 16]. Таким образом, из четырех хорошо сохранившихся зеркал три относятся к одному отделу – с валиком по краю диска, и отличаются только рукоятями – у двух она массивная прямая, полуовальная в сечении (№ 5), у одного – массивная клиновидная (№ 7). Одно зеркало плоское с прямой плоской ручкой.

Из шести костяных ложек только одна найдена в мужском погребении (курган № 19 погребение 2). Пять ложек простые, выполненные из небольшого куска кости, которой придана форма ложки, с узкими рукоятями без каких-либо изображений. В одном случае (курган № 3 погребение 9) у основания ручки с обеих сторон расположены по два треугольной формы выступа [Пшеничнюк, 1983. С. 113. Табл. XVI, 8].

Пряслица найдены в четырех погребениях с женским инвентарем, все они каменные плоские. В двух погребениях – одном мужском и 1 женском – обнаружены каменные молоточки – длиной 4–5 см с отверстием в середине. В женском погребении 1 кургана № 11 молоточки находились в глиняном узкогорлом лепном сосуде с примесью шамота в тесте (два, видимо, выпали, т.к. сосуд лежал на боку) [Пшеничнюк, 1983. С. 29].

Глиняные сосуды представлены тремя основными группами: лепные ритуальные сосудики и курильницы, не несущие утилитарного значения (1); лепные сосуды (2); гончарные сосуды (3).

Ритуальные сосудики и курильницы достаточно распространены в погребальном обряде прохоровской культуры. А.Х. Пшеничнюк в соответствии с их формой и орнаментацией или ее отсутствием выделил 4 типа таких ритуальных изделий [Пшеничнюк, 1983. С. 116]. Это, как правило, не орнаментированные круглодонные горшочки

(тип 1), круглодонные маленькие чашечки без орнамента (тип 2), низкие толстостенные чашечки-плошки с плоским дном, чаще всего орнаментированные резным зигзагом или насечками по верхнему срезу венчика (тип 3) и плошки-курильницы на поддоне (тип 4) Все четыре типа представлены в погребениях Бишунгаровского могильника. М.Г. Мошкова ранее выделила 5 типов таких курильниц [Мошкова, 1963. С. 28, 29], при этом круглодонные горшочки (тип 1 по А.Х. Пшеничнюку) она в свой типологический ряд не внесла. Тип I по М.Г. Мошковой полностью соответствует типу 4 А.Х. Пшеничнюка. Тип II (круглодонные миски-плошки с широким ровным краем), тип III (аналогичные типу II, но с плоским дном), тип IV (маленькие плоскодонные цилиндрические курильницы) и тип V (баночные сосудики со скошенными внутрь стенками) М.Г. Мошковой по своим характеристикам отличаются от остальных типов, предложенных А.Х. Пшеничнюком. Все они также представлены в Бишунгаровском могильнике.

Лепные сосуды находятся почти в каждом погребении, могут быть как круглодонными, так и плоскодонными, имеют горшковидную форму с узким и низким горлом, орнамент в виде зигзагов, треугольников, елочки, нанесен на плечики. В тесте, в подавляющем большинстве, примесь талька, что не характерно для сарматской керамики III–II вв. до н.э., так как к этому времени основной примесью в тесте у керамики прохоровской культуры становится шамот [Краева, 2015. С. 238]. В то же время, на противоположном берегу р. Белая в это время существует население гафурийского культурного типа, относимое к пришедшим в конце IV в. до н.э. и осевшим на правобережье ранним прохоровцам [Савельев, 2008]. Носители гафурийского типа керамики частично продолжали традицию использования талька для формовки теста сосудов [Савельев, 2009. С. 136; Овсянников, 2014]. Также в погребениях Бишунгаровского могильника встречается лепная посуда с примесью в тесте песка, шамота или раковины.

В двух случаях (курган № 3, погребения 6 и 8) найдены небольшие горшковидные сосуды с примесью в тесте песка или раковины и орнаментом в виде ямочных вдавлений или насечек [Пшеничнюк, 1983. С. 116]. По своим характеристикам они относятся к кара-абызской культуре лесостепи Южного Приуралья. Большое количество таких сосудов известно и из погребений в Старокиишкинском могильнике [Садыкова, 1962]. Кроме того, на правом берегу р. Белая, на территории расселения кара-абызского населения (в том числе носителей гафурийского культурного типа) известны находки сарматского клинкового оружия (как «случайные», так и в погребальных комплексах), очевидно, попавшие туда с левого берега, т.е. от самих номадов [Пшеничнюк, 1993. С. 38, 40. Рис. 5, 1–3; Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 26.

Рис. 35; Николаев, 2021б]. Это говорит о связях степного и лесостепного населения Южного Приуралья в эпоху раннего железа, в том числе, видимо, и о брачно-семейных отношениях [Савельев, 2010. С. 315; Овсянников, 2014].

Гончарная керамика в погребениях Бишунгаровских курганов представлена тремя типами [Пшеничнюк, 1983. С. 116, 117] – это простые горшки высотой 19–30 см, с широким плоским дном и четко выраженным нависающим венчиком (I тип), горшки средних размеров (16–25 см) с одним или двумя ушками на тулове (II тип), одноручные кувшины (III тип). Один из типов (V по А.Х. Пшеничнюку) – это мелкие горшочки [Пшеничнюк, 1983. Табл. XII, 6] либо пиалы [Пшеничнюк, 1983. Табл. XII, 18] – также имеет ритуальный характер. Вся эта посуда является импортной, происходит из Средней Азии [Савельев, 2010].

А.Х. Пшеничнюк датировал Бишунгаровский курганный могильник III–II вв. до н.э., т.е. период развитой прохоровской культуры. На настоящий момент каких-либо оснований для пересмотра этой датировки нет.

Результаты исследований 2021 г.

В сентябре 2021 г автором были проведены разведочные работы в Кармаскалинском районе Республики Башкортостан, в том числе на самих Бишунгаровских курганах и на территории, прилегающей к ним.

Во время проведения обследования могильника вся его площадь была покрыта высокой стерней кукурузы, лишь полоса вдоль лесопосадки шириной 250 м была очищена. В связи с этим, а также сильной распаханностью насыпей курганов, работы проводились только на этом участке. Визуально удалось выявить 8 насыпей к северо-востоку от лесополосы и одну – к юго-западу от нее (рис. 1С).

Шесть курганов были идентифицированы по ситуационному плану А.Х. Пшеничнюка 1983 г (рис. 1В) как курганы № 16–20 и 22 (курганы № 19 и 22 раскопаны, фиксируются следы засыпки в виде аморфных возвышений, являющихся распавшимися рекультивированными раскопами).

Также были выявлены две насыпи и место одного засыпанного раскопанного кургана, не отмеченного на плане А.Х. Пшеничнюка. Место раскопанного и засыпанного кургана было идентифицировано путем сравнения сохранившейся фотографии с раскопок 1992 г и реальным положением этого аморфного всхолмления. В 1992 г данный курган был обозначен как № 20. Однако, курган № 20 расположен в 70 м юго-восточнее (рис. 1В, 1С) и внешне насыпь выглядит как не раскопанная – у нее четкая округлая форма и полусферический профиль. Вероятно, в 1992 г был раскопан ранее не известный курган, принятый по ошибке за курган № 20. Кроме этого, в 2021 г были выявлены ещё 2 ранее не зафиксированных курга-

на. Продолжая нумерацию, данную А.Х. Пшеничнюком, раскопанный курган получил № 24, два ранее не известных – № 25 и № 26.

А.Х. Пшеничнюком было составлено два плана Бишунгаровского могильника, один из них представлен им в отчете 1968 г [Пшеничнюк, 1968], второй – в публикации памятника [Пшеничнюк, 1983. Рис. 5]. При изучении обоих планов выявлено расхождение в обозначении курганов 18 и 19. А.Х. Пшеничнюком указывается, что раскопан курган № 19, однако визуально фиксируется целостность его насыпи (в соответствии с планом 1983 г.) и следы раскопа и последующей засыпки кургана № 18.

За основу при обследовании в 2021 г был взят план 1983 г (рис. 1В). Следует отметить, что сам план, будучи первоначально составленным А.Х. Пшеничнюком, далее им практически не изменялся, разница заключается только в отмечен-

ной выше нумерации двух курганов. Визуальное обследование выявленных насыпей показало, что они подвергаются ежегодной распахке и все больше нивелируются. Однако, при осмотре территории какого-либо подъемного материала обнаружено не было. Это может свидетельствовать о том, что многолетняя пахля практически не разрушает сами погребения.

Кроме самого Бишунгаровского могильника, была обследована прилегающая к нему территория (около 20×25 км) (рис. 1А). На ней известны два крупных скопления «случайных» находок мечей и кинжалов ранних кочевников (рис. 3А): вокруг с. Ибрагимово (8 экз.) и вокруг с. Николаевка (5 экз.), а также одиночные находки возле сел Кармаскалы (2), Савалеево (1), Шарипкулово (1), что говорит о достаточно плотном заселении сарматами данной части междуречья Белой и Уршаква во второй половине – конце I тыс. до н.э. При этом

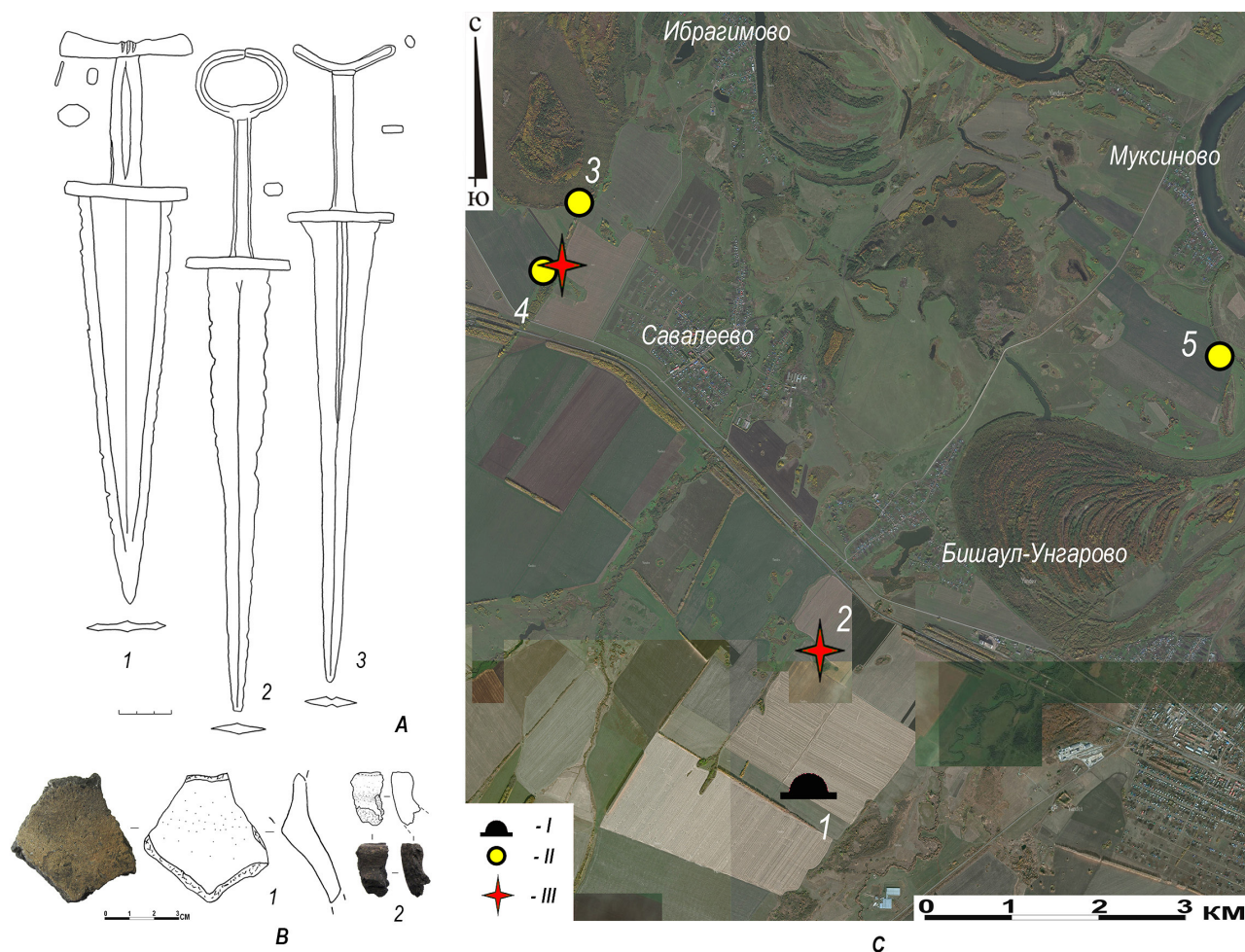

Рис. 3. А – случайные находки мечей и кинжалов (по: [Николаев, 2021а. Рис. 3, 2, 4; 5, 4]). 1 – Ибрагимово; 2, 3 – Николаевка; В – находки фрагментов сарматской керамики 2021 г. 1 – с территории стоянки Савалеево-1; 2 – с территории, прилегающей к Бишунгаровским курганам; С – места находок фрагментов сарматской керамики в 2021 г. I – курганный могильник, II – выявленные в 2021 г памятники, III – места находок фрагментов сарматской керамики. 1 – Бишунгаровский курганный могильник; 2 – место находки венчика В,2; 3 – стоянка Савалеево-1; 4 – стоянка Савалеево-2 и место находки фрагмента В, 1; 5 – стоянка Муксиново-1

Fig. 3. А – Casual Finds of Swords and Daggers (acc. to: [Nikolaev, 2021a. Fig. 3, 2, 4; 5, 4]). 1 – Ibragimovo; 2, 3 – Nikolaevka; В – 2021 Finds of Sauromatian Ceramics Fragments. 1 – from Savaleevo-1 Settlement; 2 – from Territory Adjacent to Bishungarovo Burial Mound; С – Places Where Sauromatian Ceramics Fragments are Found. I – Burial Mound (Kurgan), II – Monuments Discovered in 2021, III – Places Where Sauromatian Ceramics Fragments are Found 1 – Bishungarovo Burial Mound; 2 – Place Where Collet was Found B,2; 3 – Savaleevo-1 Settlement; 4 – Savaleevo-3 Settlement and Place Where Fragment were Found B, 1; 5 – Muksinovo-1 Settlement

находки мечей и кинжалов в своем большинстве привязаны к водораздельным возвышенностям, окруженным со всех сторон реками, в результате чего образуются своеобразные «соты» [Савельев, Николаев, 2019; Николаев, 2019; Николаев, 2021a]. Например, именно такая система была выявлена при изучении комплекса случайных находок в районе сел Толбазы и Юламаново, в 50 км юго-западнее Бишунгарово [Савельев, Николаев, 2019].

Бишунгаровский курганный могильник расположен на водораздельной возвышенности левого берега р. Карламан. Русло реки расположено в 1 км к юго-востоку от могильника. Пойма реки широкая, до 500 м, регулярно затапливаемая при разливах, лишь в нескольких местах приближаясь к краю надпойменной террасы до 30 м (рис. 1; 3С).

На расстоянии 1 км к северо-западу от курганного могильника в северо-восточном направлении проходит лог в настоящее время практически полностью пересохшего водотока, являющегося левым притоком р. Сухой Карламан. Исток этого сухого лога расположен в 1 км к западу от курганного могильника (рис. 3С).

В 2 км от истока лог пересекает группу небольших (40–60 м в диаметре) озер, частично пересохших и заболоченных, имеющих карстовое происхождение. Все вместе они образуют заболоченный участок размером 400×450 м. В 350 м к юго-востоку расположено пересохшее озеро Соликликуль размером 330×130 м. В ходе проведенной пешей разведки участка размером 3×3 км (на момент осмотра практически полностью распахан) были получены детализированные данные по наличию на этой территории археологических объектов.

В 30 м к северо-востоку от восточного угла заболоченного участка, на распаханном берегу высотой 2 м найден фрагмент венчика лепного сосуда темно-серого цвета с примесью шамота, размером 2,4×1,3×0,9 см, который по своей форме (низкий отогнутый наружу венчик, переходящий в раздутое тулово) может быть отнесен к прохоровской культуре (рис. 3В, 2) [Краева, 2015. С. 237]. Подобные же сосуды известны как в Бишунгаровском, так и в Старокиишкинском курганных могильниках [Садыкова, 1962. С. 91, 97. Табл. III, 5; IV, 16; Пшеничнюк, 1983. С. 23, 33. Табл. XX, 13; XXII, 9]. Кроме данного фрагмента, на берегах сухого лога и озера найдены единичные фрагменты керамики эпохи бронзы, средневековья и Нового времени, но, при этом, какие-либо памятники, в том числе и поселенческие, не обнаружены. Эти единичные находки свидетельствуют только лишь о кратковременном использовании берегов данного водотока человеком с эпохи бронзы и вплоть до Нового времени (вероятно – в виде летовок кочевников и полевых станов Нового времени).

К северу от Бишунгаровских курганов, на расстоянии около 2 км от них, расположен поймен-

ный участок размерами примерно 10×10 км, непосредственно примыкающий к р. Белая. С востока эта территория ограничена рекой Карламан, с юга и запада – распахиваемым склоном водораздельной возвышенности рек Карламан и Уршак, с севера и частично с востока – рекой Белая (рис. 1А; 3С). Западная и южная часть пересекается многочисленными мелкими притоками р. Белая, в том числе пересохшими и распаханymi на настоящий момент. Там же расположены старицы реки Белой и отдельные озера старичного происхождения. Значительная часть территории в настоящее время распахиывается.

В центре данной территории находится с. Ибрагимово, около которого зафиксировано 9 «случайных» находок сарматских мечей и кинжалов (5 раннесарматских и 3 среднесарматских), возле с. Савалеево – 1 находка прохоровского кинжала [Обыденнов, Савельев, 1994. Рис. 2, 12; 3, 21, 23, 30, 33; 4, 39, 42, 43; Исмагилов, 2001. Табл. IV, 37] (рис. 3А). Наличие большого количества источников воды, заливных лугов, а также случайные находки клинкового оружия ранних кочевников могут говорить о высоком потенциале данной территории и возможности обнаружения поселенческих памятников как кочевников раннего железного века, так и населения других культур и эпох.

В результате проведенного обследования данной территории выявлена единичная находка одного фрагмента керамики эпохи бронзы, а также три ранее не известных поселенческих памятника (рис. 1А; 3С). На одном из выявленных памятников (стоянка Савалеево-2) среди собранной с поверхности пашни керамики эпохи бронзы (срубная культура) был зафиксирован один венчик, существенно отличающийся от остальных. Это верхняя часть тулова лепного сосуда с массивной утолщенной шейкой, тесто с примесью талька, темно-серого цвета. По своим характеристикам данный фрагмент может быть датирован второй половиной – концом IV в. до н.э. и отнесен к раннему этапу прохоровской культуры (рис. 3В, 1) [Савельев, 2014. С. 199–205. Рис. 4, 8]. На настоящий момент этот фрагмент является самой северной находкой керамики кочевников IV в. до н.э.

Находка данного фрагмента сосуда, как и упоминавшиеся выше находки мечей и кинжалов, показывают, что кочевники раннего железного века осваивали не только водораздельные возвышенности и берега небольших рек и ручьев, но и широкие поймы больших рек, в частности, р. Белая. Вероятно, причиной этому являлись близость воды и наличие заливных лугов, покрытых богатым травостоем.

Выводы

Проведенное обследование Бишунгаровского курганного могильника показало, что его состав и планиграфия, зафиксированные А.Х. Пшеничнюком во второй половине XX в., являются очень

предварительными. Выявленные в 2021 г. три ранее не известных кургана вряд ли единственные, и дальнейшее детальное изучение позволит зафиксировать новые насыпи.

Обследование прилегающей к могильнику территории показало, что ее плотного хозяйственного освоения в эпоху раннего железа не происходило. Использовалась она, видимо, кратковременно, в качестве летовочных стоянок. Перспективные с точки зрения обнаружения поселенческих памятников берега реки Карламан требуют тща-

тельного обследования с шурфовкой всех удобных площадок.

Многочисленные «случайные» находки сарматского клинкового оружия, а также находка фрагмента раннепрохоровской керамики на стоянке Савалеево-2 свидетельствуют о том, что кочевники раннего железного века начали освоение этой территории задолго до появления Бишунгаровских и Старо-Кишкинских курганов, еще в IV веке до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев В.Н., Савельев Н.С., Федоров В.К. Итоги двухлетних совместных работ ИИЯЛ-БГОМ // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1 / Отв. ред. М.Ф. Обыденнов. Уфа: НМ РБ, НПЦ МК РБ, 1995. С. 65–84.
- Краева Л.А. Сарматская керамика как исторический источник // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Междунар. симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. С. 229–242.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М.: АН СССР, 1963. 56 с. (САИ. Вып. Д1-10)
- Николаев С.Ю. Комплекс сарматского клинкового оружия из окрестностей сел Куезбашево и Бишкаин в Южном Приуралье // Уфимский археологический вестник. 2019. № 19. С. 69–77. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.006>
- Николаев С.Ю. Случайные находки мечей и кинжалов ранних кочевников северо-восточной периферии степей Южного Приуралья (вторая половина I тыс. до н.э. – рубеж эр) // Уфимский археологический вестник. 2021а. Т. 21. № 1. С. 128–144. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.012>
- Николаев С.Ю. Три сарматских меча из окрестностей села Охлебинино (Южное Приуралье) // Уфимский археологический вестник. 2021б. Т. 21. № 2. С. 339–345. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.012>
- Николаев С.Ю. Мечи и кинжалы с кольцевидным навершием: случайные находки с территории Южного Приуралья // Археология евразийских степей. 2021в. № 2. С. 170–174. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.170.174>
- Обыденнов М.Ф., Савельев Н.С. Оружие ранних кочевников: новые находки в Башкортостане // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала / Отв. ред. С.М. Камильянова. Уфа: ПКФ Конкорд-Инвест, 1994. С. 100–115.
- Овсянников В.В. Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Кишкинских и Бишунгаровских курганов) // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 168–177.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 116 с.
- Пишеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.
- Пишеничнюк А.Х. Отчет об археологических раскопках и разведках на территории Республики Башкортостан в 1991 г. // АЛ БГУ. Ф. 6, д. 39.
- Пишеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.
- Пишеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 64 с.
- Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 116–136.
- Савельев Н.С. Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 127–140.
- Савельев Н.С. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. Сб. ст. в честь 60-летия Л.Т. Яблонского / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 299–322. (МИАР. № 13)
- Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Уфимский археологический вестник. 2014. № 14. С. 191–206.
- Савельев Н.С., Николаев С.Ю. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей села Толбазы в Южном Приуралье // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 19. № 1. С. 140–166. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8>
- Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // Археология и этнография Башкирии. Т. 1 / Под. ред. Р.Г. Кузеева. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 88–122.
- Скрипкин В.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990, 299 с.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.

Шамсутдинов М.Р. Об итогах проведения археологических полевых работ в бассейне реки Карламан в пределах Кармаскалинского района Республики Башкортостан. ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа». Уфа, 2014.

Шокуров А.П. Отчет об археологических разведках Третьего отряда Башкирской экспедиции. 1960 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2054. 179 л.

REFERENCES

- Vasiliev, V.N., Savelyev, N.S., Fedorov, V.K. 1995, "Results of two-year joint work of IAL-BGOM", *Nasledie vekov. Ohrana i izuchenie pamyatnikov arheologii v Bashkortostane* ("Heritage of Centuries. Protection and study of archaeological monuments in Bashkortostan"), iss. 1, NM RB, NPC MK RB, Ufa, pp. 65–84. (In Russ.)
- Kraeva, L.A. 2015, "Sarmatian ceramics as a historical source", *Sovremennye podhody k izucheniyu drevnej keramiki v arheologii. Mezhdunarodnyy simpozium (29–31 oktyabrya 2013 g., Moskva)* ("Modern approaches to the study of ancient ceramics in archaeology. International Symposium (October 29–31, 2013, Moscow)"), IA RAN, Moscow, pp. 229–242. (In Russ.)
- Moshkova, M.G. 1963, *Archaeological sites of the Prokhorovka culture*. AN SSSR, Moscow, 56 p. (In Russ.)
- Nikolaev, S.Yu. 2019. "An assemblage of the Sarmatian bladed weapons discovered near Kuezbashovo and Bishkain settlements in the Southern Cis-Urals", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 19, pp. 69–77. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.006>.
- Nikolaev, S.Yu. 2021a, "Random Finds of Swords and Daggers of Early Nomads of the North-Eastern Periphery of the Steppes of the Southern Urals III BC – the Turn of the Era", *Ufa Archaeological Herald*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 128–144. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.012>.
- Nikolaev, S.Yu. 2021b, "Three Sarmatian swords discovered near Okhlebinino village (the Southern Cis-Urals)", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 21, no. 2, pp. 339–345. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.012>
- Nikolaev, S.Yu. 2021v, "Swords and Daggers with Ring Pommels: Accidental Finds from the Territory of the Southern Cis-Urals", *Archaeology of the Eurasian Steppes*, no. 2, pp. 170–174. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.170.174>.
- Obydenov, M.F., Savelev N.S., 1994, "Weapons of the early nomads: new finds on the territory of Bashkortostan", *Vooruzhenie i voennoe delo drevnih plemen Yuzhnogo Urala* ("Weapons and military history of the ancient tribes in the South Urals"), Ufa, pp. 100–115. (In Russ.)
- Ovsyannikov, V.V., 2014, "Common elements in the funeral rite and inventory of the population of the Kara-Abyz culture and the Sarmatian forest-steppe of the Southern Urals (based on the materials of Shipovsky, Staro-Kiishkinsky and Bishungarsky mounds)", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 14, pp. 168–177. (In Russ.)
- Ovsyannikov, V.V., Savelev, N.S., Akbulatov, I.M., Vasiliev, V.N., 2007, *Shipovsky burial ground in the forest-steppe Urals*. Gilem Publishing House, Ufa, 116 p. (In Russ.)
- Pshenichnyuk, A.H. 1983, *The culture of the early nomads of the Southern Urals*. Nauka, Moscow, 199 p. (In Russ.)
- Pshenichnyuk, A.H. *Report on archaeological excavations and exploration on the territory of the Republic of Bashkortostan in 1991*, AL BSU, F. 6, d. 39. (In Russ.)
- Pshenichnyuk, A.H., Ovsyannikov, V.V. 2007, *Archaeological map of the Iginsky district of the Republic of Bashkortostan*, Ufa: IYAL UNC RAN. 64 p. (In Russ.)
- Savelev, N.S. 2008, "The origins of the Gafury assemblage from the forest-steppe Southern Cis-Urals dated to the middle – second half of the 1st millennium BC", *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete novejsih arheologicheskikh otkrytij»* ("Early nomads of the Volga-Ural region. Proceedings of the international scientific conference «Early nomads of the Southern Cis-Urals in the view of the recent archaeological discoveries"), Orenburg: OGPU, pp. 116–136. (In Russ.)
- Savelev, N.S. 2009, "New studies of the Shipovsky settlement in the forest-steppe of the Southern Urals", *Ufa Archaeological Herald*, iss. 9. pp. 127–140. (In Russ.)
- Savelev, N.S. 2010, "Imported pottery of the Kara-Abyz culture: their origins, context and markers of dating", *Arheologiya i paleoantropologiya Evrazijskikh stepej i sopredel'nyh territorij* ("Archaeology and paleoanthropology of the Eurasian steppes and the adjacent territories"), IA RAN, Moscow, pp. 295–318. (MIAR. № 13) (In Russ.)
- Savelev, N.S. 2014, "Sarmatization of the forest-steppe of the Southern Urals: prerequisites, main stages, characteristics, consequences", *Ufa Archaeological Herald*, no. 14. pp. 191–206. (In Russ.)
- Savelev N.S., Nikolaev S.Yu. 2020, "An assemblage of Sarmatian daggers discovered near Tolbazy settlement in the Southern Cis-Urals", *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 19, no. 1, pp. 149–166. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8>.
- Sadykova, M.H. 1962, "Sarmatian barrow necropolis near Starye Kiishki village", *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*, vol. 1, pp. 88–122. (In Russ.)
- Skripkin, V.S. 1990, *Asian Sarmatia: the problem of chronology and its historical aspect*. Izdatel'stvo Saratovskogo un-ta, Saratov, 299 p. (In Russ.)
- Hazanov, A.M. 1971, *Essays on the military science of Sarmatians*. Nauka, Moscow, 169 p. (In Russ.)
- Shamsutdinov, M.R. 2014, *On the results of archaeological fieldwork in the Karlaman River basin*

within the Karmaskalinsky district of the Republic of Bashkortostan, GBU RIKMZ “Ancient Ufa”, Ufa. (In Russ.)

Shokurov, A.P. 1960, *Report on the archaeological exploration of the Third detachment of the Bashkir expedition*. Arkhiv IA RAN, F-1, R-1, no. 205, 179 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Сергей Юрьевич Николаев, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3350-9148

Information About the Author

Sergey Yu. Nikolaev, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Ufa. E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3350-9148